

УДК 72.01

А. А. ХУДИН, д-р архитектуры, проф. кафедры архитектурного проектирования

СЕМИОЛОГИЯ УРБАНИЗМА В ТРУДАХ РОЛАНА БАРТА

ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет»
Россия, 603952, г. Н. Новгород, ул. Ильинская, д. 65. Тел.: (831) 430-17-83;
эл. почта: arch@nngasu.ru

Ключевые слова: семиология, семиотика архитектуры, семиотика урбанизма, постмодерн, постмодернизм, архитектура постмодернизма, теория стиля.

Рассматриваются философские основы архитектурных теорий второй половины XX века. Внимание уделяется концепциям, имеющим отношение к семиологии урбанизма, постмодернистской архитектуре, теории стиля.

Корни семиотических теорий, сохраняющие свое влияние на современную теорию архитектуры и градостроительства, до текущего момента не являются полностью изученными. Обратимся к Ролану Барту (1915–1980), одному из первых философов второй половины XX века, которому принадлежит утверждение о возможности создания «семиотики урбанизма», высказанное им в 1971 году в статье «Семиология и урбанизм» [1]. Основой для этой возможности он полагает тот факт, что любое обжитое, заселенное пространство, в котором присутствует человек, для него что-то обозначает. Система обозначения являет собой структуру, лежащую в основе архитектуры, и в связи с этим он совершает обращение к реформам Клисфена (509 г. до н. э.), известным по книге Аристотеля «Афинская полития» [2]. Упомянутое социальное преобразование, произведенное в VI веке до нашей эры, касалось деления территорий в Аттике на микрополисы. Барт полагает программу Клисфена «структуральной концепцией», так как в ней определение округов производилось не формально-географически, не по утилитарному принципу на основе «смысловой концепции города». Он имеет в виду, что организация подобной системы требовала учета множества факторов идентификации, по которым формируется гражданская общность – особая система, объединяющая государство, личность, род, место обитания и мифические реалии в особое смысловое единство.

Второе обращение, которое совершает Ролан Барт, – это книга французского этнографа, культуролога, философа Клода Леви-Стросса, «Печальные тропики» [3], утверждая, что в ней автор исходил из семиологии города при исследовании организованного пространства поселений Южной Америки. Этнограф К. Леви-Стросс производил изучение индейцев «бороро» в Бразилии. Исследование касается связи между планировочной структурой деревни и традиционным укладом жизни ее обитателей. Данное поселение поделено на особые зоны, в которых ориентация осуществляется посредством символических параметров, по множественным признакам, группирующим жителей по принадлежности к семье; по отношению групп семей к клану; по кастовому признаку; по иерархическому принципу; по гендеру; по профессиональной специализации; по уровню благосостояния; и т. д.: «Структура деревни способствует не только утонченному

взаимодействию общественных установлений: она также выражает и определяет отношения между человеком и космосом, обществом и сверхъестественным миром, между живыми и мертвыми» [3, с. 293]. Данный подход в исследовании, которое совершает Леви-Стросс, определяется Р. Бартом как «семантический подход». Семантика, раздел семиологии и лингвистики, касающийся вопросов «значения» слов, знаков, здесь применена в сфере урбанистики. И данное применение демонстрирует нам город как образование, складывающееся в первую очередь из значений и смыслов. Леви-Стросс представляет субъекта как часть «социологического космоса» и «категории культуры», а также придерживается мнения о лингвистической фундированности культуры, сформулированном им в максиме: «кто говорит «человек», тот говорит «язык», а кто говорит «язык», тот говорит «общество» [4, 509]. Структуралистский подход Леви-Стросса, эффектно примененный им самим к архитектуре, становится удобной отправной точкой для размышлений Р. Барта над семиологией в данной сфере.

Бартом высказывается удивление в том, что современная ему урбанистика уделяет «слишком мало внимания проблемам знаков», и здесь мы видим третью отсылку. Исключением он полагает американского архитектора Кевина Линча (1918–1984), который обращался к вопросу смысла, воплощаемого в образах архитектуры, и считал, что архитектурные объекты «читаются» людьми. Барт близок к его позициям, и высказывает предложение двигаться в сторону актуализации «смысловой концепции города» и уходить от «утилитарной концепции», которая основывается лишь на функциях и эксплуатации зданий и пространстве.

В число исключений, но уже из прошлого, он также заносит писателя Виктора Гюго (1802–1885). Подход этого писателя XIX века Барт полагает актуальным: «он смотрит на здания именно как на книги, вписанные человеком в пространство ... глава (его книги) посвящена соперничеству двух способов письма: в камне и на бумаге» [5]. Эта концепция – следующий, четвертый элемент, который закладывает в фундамент своей теории Р. Барт. Виктор Гюго в романе «Собор Парижской Богоматери» прямо формулирует основу архитектурной лингвистики. Он утверждает, что история человечества – это развитие, умножение, перекрещивание, усложнение символов, которым требуются здания, чтобы заключить «зыбкую символику» в «видимую и осязаемую форму». Он трактует архитектуру как «летопись человечества», считает, что «здание – это книга» [5, с. 699].

Пятый и последний элемент фундамента семиологии урбанизма, который присутствует в рассматриваемой нами статье, – теории французского философа Жака Деррида (1930–2004), в рассуждениях которого о письменности, по словам Роланда Барта, «эта тема также находит свое отражение». Компетентный читатель без труда увидит здесь отсылку к книге «О грамматологии» (1967) [6]. Деррида, как и Барт, переходя от структурализма к постструктурализму в эти годы, предлагает создать «новую графологию», основанную на мультидисциплинарном синтезе социологии, истории, этнографии, психоанализа. Эта дисциплина должна будет решить ряд таких важнейших задач, как: индивидуальные особенности скриптора и коллективную манеру группы, специфику их дискурса и кода с точки зрения стиля и коннотаций; уровни стиля письма – технические, исторические, экономические с точки зрения их совпадения; границы и смысл стилистических

вариаций внутри систем и др. Ряд семиотических проблематик, затрагиваемых им, как и данная, вызывает у Барта живой отклик, он также задавался вопросом сущности стиля и полагал, что он требует дешифровки и глубокого анализа, проблем соотношения языка и письма и т. д.

Итак, у исследователя данного эссе Р. Барта в наличии есть пять, на первый взгляд, не связанных фигур: Клисфен, К. Леви-Стросс, К. Линч, В. Гюго, Ж. Деррида. Но если произвести энциклопедическое прочтение данных источников и выявить все связи между ними, то можно понять особенности не только структуралистского, но и постструктуралистского стиля данной работы Р. Барта. Связь находится в понятии “*Decentration*” – консенсусном термине постмодерна. Децентрация – это критика традиционного и модернистского европейского образа мышления.

Клисфен упоминается Аристотелем в контексте противоборства тирании и демократии на ранней стадии образования государства в Греции. О нем говорится, как о правителе, который предоставил народной массе политические права, именовался заступником народа, интересы народа были основой законов. Чтобы понимать причину интереса Р. Барта к урбанизму, следует посмотреть на «город» как «полис» в его изначальном виде, в корне европейской философии, чье древо произрастает из трудов Аристотеля. В книге «Политика» [7] Аристотель использует термин *κοινωνία* («*κοινωνία*»), семантическая цепочка которого выглядит как «отношение, связь, общение, общность, общество, участие, соучастие». Далее нам нужны два его определения: «человек есть существо общественное» и «человек по природе своей есть существо политическое» [7, с. 29], то есть «общество» образует «полис». Полис («*πόλις*») – «не один, многие, множество; сильный, могущество; город» и, как производное, *πολιτεία* («*πολιτεία*») «государство; власть; политика». Зададимся вопросом, как возникает связь с языком, и ответ будет найден там же – Аристотель дает третье определение человека как существа говорящего и этим отличающегося от всех прочих живых существ. Способность к речи позволяет ему иметь и понимать моральные категории справедливости, блага и т. д., что в совокупности, по мнению Аристотеля, создает основу государства как такового. Равенство понятий «город», «государство» и «язык» не могло избежать внимания крупнейших философов XX века Барта и Деррида. Далее о языке – в книге «Нулевая степень письма» [8] – он полагается у Барта социальной реальностью, которую человек не выбирает, это «необходимость», язык как бы насквозь пронизывает человека насквозь, он окружает его примерно, как круг аристотелева неба, это «человеческий горизонт». Стиль же полагается Бартом, принадлежащим писателю как личное автономное слово, это его «одинокость», его история, его память. Далее в его труде формируется оппозиция «речи» и «письма». Речь полагается относящейся к индивидууму – свободной, коммуникативной. Письмо относится к социуму, его автор считает политическим, антикоммуникативным, призванным для устрашения, прославления, выражения различных обязательств человека перед вождем. Он пишет, что «социальные обязательства языка проявляются в письме с особой наглядностью; в силу своей утонченной двусмысленности письмо представляет всякую власть», [8, с. 67]. Здесь мы видим отражение ситуации недоверия к «власти» в интеллектуальных кругах Европы, которые после окончания Второй мировой войны обратились к проблеме

недопущения тоталитарных режимов, аналогичных странам «Оси», которые понимались как драконовы тирании, на смену которым придет демократия.

Здесь мы понимаем причину обращения Барта к «Грамматологии» Деррида, который двигался по близкой линии мысли. В подтверждение своих идей он приводит цитату Руссо [6, с. 44]: «сначала были ... речь и человеческая свобода, потом – ... катастрофа, которая несет с собой рабство, уничтожение маленького демократического полиса», [9, с. 264]. Эта отсылка к Жан-Жаку Руссо не случайна, так как он производил аналогичное метафорическое бинарное структурирование: Речь подобна Свободе, Письмо подобно Рабству. Вторая аналогичная пара – греческий язык, призванный воспевать героев, и латинский, призванный восхвалять тиранов, или еще проще – Греция как символ демократий и Рим как символ тираний. Письмо предстает «холодным», «скудным», «рассудочным» и даже представляется «болезнью языка», порядком, ведущим к «умножению зла». Возвращение к античному состоянию предполагает соответственно обретение живой речи, свободы слова, ее прямоту, отсутствие посредников между людьми.

По мнению Жака Деррида, существование письма, его история совпадает с синхронистичными процессами во всех сферах культуры: в «науке, религии, политике, экономике, технике, праве, искусстве» [6, с. 232]. Вследствие явного соучастия письма и языка во всех культурных процессах, им предлагается создание новой науки Грамматологии, призванной осуществить пересмотр фундаментальных основ западной мысли, с момента исходной катастрофы отделения речи от письма. Итак, лингвистическая катастрофа по его теории происходит в момент устранения античных полисов. Именно «автаркические города античности» привлекают его внимание, и представляются как такие социальные образования, «которые были сами себе центрами» и «предполагали общение живым голосом». Оппозиционными им могут выступать «современные столицы», которые «требуют монополии письма», и их господство осуществляется «посредством записанных законов, указов, литературы» [8, с. 495] Здесь мы видим консенсус Деррида и Барта, объединяющий их в симпатии к античным полисам, которые, согласно Руссо, своим великим делом имели свободу, и в частности к изократии Клисфена, демократичной и децентрализованной. Антипатия их относится к символическому Риму, который претендовал на позицию центра мира как символ авторитарной власти Цезарей и Понтификов.

Антипатии к «Риму» у Барта сразу же делает понятным выбор Виктора Гюго в число цитируемых им предшественников, достаточно вспомнить его слова: «отныне книга зодчества не принадлежит больше... религии и Риму; она во власти фантазии, поэзии и народа» [5, с. 287]. В его книге он приветствует историческую ситуацию, сложившуюся в XIX веке, в которой «храм» – сооружение «верное догме», теперь принадлежит среднему сословию, общине, художнику. Его бинарная структура ставит на одну сторону баррикад теократическое творчество, которому присущи «суровость догматов, застывших в камне», «вторичное окаменение», «косность», «ужас перед прогрессом», «традиционные линии», «канонизированные первоначальные образцы», а на вторую сторону размещает народное зодчество, для которого характерны «разнообразие, прогресс, самобытность, непрерывное движение» [5, с. 87]. А далее мы видим концепцию, совпадающую с ранее рассмотренной о

противостоянии речи и письменности, а именно противостояние полюсов: «теократическое зодчество» и «народное»; «язык жрецов» и разговорная речь; «иероглиф» и «искусство»; «Соломон» и «Фидий» [5, с. 290]. Вектор политических пристрастий В. Гюго тоже близок к идеалам второй половины XX века: «каждая цивилизация начинается с теократии и заканчивается демократией. Этот закон последовательного перехода от единовластия к свободе запечатлен и в зодчестве» [5, с. 286]. Также В. Гюго считает, что до появления книгопечатания архитектура была «искусством господствующим, искусством тираническим», которое сдерживало прочие, и после их освобождения, когда «книга убила здание», – «резьба становится ваянием, роспись – живописью, литургия – музыкой» [5, с. 294]. Далее он приводит метафору децентрации, сравнивая этот процесс с распадом империи Александра Македонского, когда каждая провинция превратилась в отдельное государство, и это делает его идеи подходящими для теорий Р. Барта.

В свете вышесказанного, мы можем понять причину попадания Кевина Линча в число тех, на чьих идеях базируется семиология города в данной работе. Линч один из архитекторов, которые не только заняли точку зрения единства архитектуры и языка, но и «позицию предпочтения децентрализации и демократических решений» [4, с. 278]. В своем труде он проповедует партисипацию, то есть соучастие граждан в решениях, принимаемых касательно создания среды их обитания. Линч считает, «чувство места является также и фактом политического бытия», и облик любого места демонстрирует особенности «рисунка политической структуры» [4, с. 274]; облик города часто выступает как инструмент осуществления контроля, архитектурные произведения могут быть нацелены на то, чтобы «отчуждать людей, внушать им трепет, заставлять умолкнуть или лишать их понимания вещей». Символы, по его мнению, имеют большую силу, и архитектура «нередко оказывалась средством усиления и символического выражения централизации власти» [4, с. 276]. В качестве альтернативы Линч предлагает ориентироваться на демократический политический процесс, снижение государственного контроля над окружением, его децентрализация, а также предлагает уход от политики решений системного характера на локальный уровень.

Сам Ролан Барт в годы, предшествующие написанию исследуемого эссе, уже задавался вопросами децентрации и делал это в том числе в своей работе «Империя знаков» [10], высказываясь о том, что европейские города усвоили за долгие века принцип образования города по концентрическому принципу, «сообразному движению западной метафизики». Для этой метафизики характерно понимание «центра как места истины», и центр городов в Европе «всегда заполнен», является «знаковым местом»: отправиться в центр, значит, пойти навстречу общественной «истине» [10, с. 44]. В процессе путешествия в Японию им замечается особенность, присущая восточной культуре, а именно «священное ничто», находимое им в планировке Токио: «его центр – не более, чем испарившаяся идея, существующая здесь не для того, чтобы излучать власть» [10, с. 44]. Интересно его ощущение и переживание такого опыта нахождения в децентрированном пространстве: «нет никакого желания наполнить легкие воздухом и ударить себя в грудь, утверждая свое я в центре» [10, с. 138]. Второй момент, подмеченный им, это факт «неупорядоченности» японской столицы, который бросает вызов западному человеку, «привыкшему заявлять, что наиболее

практично то, что наиболее рационально» [10, с. 47]. Это приводит автора к мнению, что рациональный подход является лишь одним из возможных, ставя его на позицию критики рациоцентризма.

В этом контексте понятны ссылки Барта и Деррида к Леви-Строссу, склонного к движению по важнейшему вектору постмодерна – децентрации. К. Леви-Стросс утверждает, что письменность изначально была орудием эксплуатации. Она позволила объединять большие группы людей для общего труда, облегчила установление рабства, что и породило архитектуру, что, в свою очередь, привело к возникновению городов, объединению большого количества людей посредством политики, иерархизации масс, образованию государств. Он приводит примеры Рима как «носителя тоталитарного искусства», «гигантомании на фоне жестокости и нищеты», «самовыражения власти, которая утверждает свое могущество», «вкладывая огромные средства ... в чиновничий аппарат, но только не в то, чтобы усовершенствовать себя» [3, с. 323]. И здесь мы касаемся левых политических взглядов изучаемых деятелей. В книге «О грамматологии», во многом близкой теориям Р. Барта [6], Ж. Деррида, он высказывает ключевую идею о том, что письмо в древних обществах стало инструментом, организации государств и властных структур: «военная стратегия, баллистика, дипломатия, сельское хозяйство, сбор налогов, уголовное право связаны в своей истории и в своей структуре с возникновением письма ... возможность создания политико-административных учреждений всегда зависели от писцов» [6, с. 233]. В его теории подчеркивается глубокая связь между системами государств: идеологией, религией, наукой, архитектурой и системой письма, которая является основным смыслом власти. Власть эта понимается им как власть символическая – власть основанная, в том числе и на экономике, в которой деньги являются обменными символами ценности, обладания, собственности. Здесь можно вспомнить опыт Барта, который в интерьерах японских домов не находил «ни одного места, хоть сколько-нибудь обозначающего собственность: ни сидения, ни кровати, ни стола, ни одного места, откуда тело могло бы утверждать себя в качестве ... хозяина пространства: центр устранен» [10, с. 140]. Такой опыт он называет «чудовищным лишением для западного человека». И Деррида, и Барт, по сути, в своих работах формируют критику буржуазного общества, присущей ему культуры и подвергают анализу язык капитализма как определяющий сознание современного человека, и с ними солидарен К. Леви-Стросс, говорящий о «жалкой участи исторического существования» европейца, чья деятельность вызывает ощущение «кома грязи, брошенного в лицо человечеству» [10, с. 38], в общей линии критики «монокультуры», производящей «массовую цивилизацию».

Концепция перепросмотра западной культуры после Второй мировой войны, коснулась всех ее составляющих: философия, лингвистика, антропология и архитектура здесь стоят рука об руку. И эта концепция подозрения к правильности движения от «полиса к урбису», которая легла в основу всего постмодерна, прекрасно видна на пересечении множества линий связи между рассматриваемыми авторами. Подводя итоги нашему исследованию, мы можем понять, по какой траектории складывается авторская концепция семиологии урбанизма Барта – по пути возвращения к стилю античных полисов, стилю речи подлинного живого языка, стилю субъекта, достигшего автономии через процесс децентрации и денормирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Barthes, *Semiologie et urbanisme* / R. Barthes // *L'architecture d'aujourd'hui*. – 1970. – № 153. – P. 11–13.
2. Аристотель. Афинская полиция. – Москва : Академический проект, 2020. – 215 с. – ISBN 978-5-8291-2072-6. – Текст : непосредственный.
3. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс. – Москва : АСТ, 1999. – 576 с. – Текст : непосредственный.
4. Линч, К. Образ города / К. Линч. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с. : ил. – Текст : непосредственный.
5. Гюго, В. Собор Парижской Богоматери / В. Гюго. – Москва : Агентство Алгоритм, 2019. – 941 с. – ISBN 978-5-04-100400-2. – Текст : непосредственный.
6. Деррида, Ж. О грамматологии / Ж. Деррида. – Москва : Ad Marginem, 2000. – 506 с. – ISBN 5-93321-011-0. – Текст : непосредственный.
7. Аристотель. Политика / Аристотель. – Москва : РИПОЛ классик, 2010. – 592 с. – ISBN 978-5-386-02079-8. – Текст : непосредственный.
8. Барт, Р. Нулевая степень письма / Р. Барт. – Москва : Академический Проект, 2008. – 431 с. – ISBN 978-5-8291-0897-7. – Текст : непосредственный.
9. Руссо, Ж. Избранные сочинения в трех томах / Ж. Руссо. – Москва : ГИХЛ, 1961. – 839 с. – Текст : непосредственный.
10. Барт, Р. Империя знаков / Р. Барт. – Москва : Праксис, 2004. – 144 с. – ISBN 5-901574-31-1. – Текст : непосредственный.
11. Барт Р. S/Z / Р. Барт. – Москва : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с. – ISBN 5-8360-0211-8. – Текст : непосредственный.

KHUDIN Aleksey Aleksandrovich, doctor of architecture, professor of the chair of architectural design

SEMIOLOGY OF URBANISM IN THE WORKS OF ROLAND BARTHES

Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering
65, Iljinskaya St., Russia, 603952, Nizhny Novgorod, Tel.: +7 (831) 430-17-83;
e-mail: arch@nngasu.ru

Key words: semiology, semiotics of architecture, semiotics of urbanism, postmodern, postmodernism, architecture of postmodernism, theory of style.

In the article the philosophical foundations of architectural theories of the second half of the twentieth century are considered. Attention is paid to the concepts relevant to the semiology of urbanism, postmodern architecture, the theory of style.

REFERENCES

1. Barthes R. *Semiologie et urbanisme* [Semiology and urban planning]. *L'architecture d'aujourd'hui* [Architecture today], 1970, № 153, P. 11–13.
2. Aristotel. *Afinskaya politiya* [Aristotle. The Athenian Polity]. Moscow, Akademicheskij proekt, 2020, 215 p.
3. Levi-Strauss K. *Pechalnye tropiki* [Sad Tropics]. Moscow, AST, 1999, 576 p.
4. Lynch K. *Obraz goroda* [The Image of the City]. Moscow, Stroyizdat, 1982, 328 p.
5. Hugo V. *Sobor Parizhskoy Bogomateri* [Notre Dame Cathedral]. Moscow, Agentstvo Algoritm, 2019, 941 p.

6. Derrida J. O grammatologii [On Grammatology]. Per. s fr. i vstup. st. N. Avtonomovoy. Moscow, Ad Marginem, 2000, 506 p.
7. Aristotel. Politika / Aristotel [Aristotle. Politics / Aristotle]. Moscow, RIPOL klassik, 2010, 592 p.
8. Barthes R. Nulevaya stepen pisma [Zero degree of writing]. nauch. red., avt. predisl. i komment. G. K. Kosikov. Moscow, Akademicheskij proekt, 2008, 431 p.
9. Rousseau J. Izbrannye sochineniya v trekh tomakh [Selected Works in Three Volumes]. Per. s fr., red. perevoda L.E. Pinskiy. Moscow, GIHL, 1961, 839 p.
10. Barthes R. Imperiya znakov [Empire of Signs]. Per. s fr. Ya.G. Brazhnikovoy. Moscow, Praxis, 2004, 144 p.
11. Barthes R. S/Z. Per. s fr. 2-e izd., ispr. Pod red. G. K. Kosikova. Moscow, Editorial URSS, 2001, 232 p.

© **А. А. Худин, 2024**

Получено: 10.09.2024 г.